

Maria Galimska

Имя – псевдоним-мистификация в жизни и творчестве Ромена Гари (Романа Кацева)

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 4, 111-122

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ИМЯ – ПСЕВДОНИМ-МИСТИФИКАЦИЯ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ РОМЕНА ГАРИ (РОМАНА КАЦЕВА)

Maria Galimska

*Akademia Pomorska
Słupsk, Polska
m.galimska@tlen.pl*

Ключевые слова: *литературная мистификация, мистификатор, цели мистификации, игра*

Литературные мистификации существуют столько же, сколько и сама литература. Они всегда вызывали интерес у исследователей и литературоведов. Разгадка известнейших произведений мировой литературы может наглядно продемонстрировать приемы [Козаровецкий 2012] и методы литературных мистификаций [Ланн 2009], которыми так искусно пользовались гении разных поколений, независимо от национальности, места жительства, социального статуса.

Литературной мистификацией называют «произведение, авторство которого приписано его сочинителем другому лицу (реальному или вымышленному) или народному творчеству. Мистификацией создается стилистическая манера и творческий образ вымышленного автора» [*Литературный...* 1987: 222].

Для создания мистификации мистификатор, кроме творческого таланта, должен обладать «умением вводить в заблуждение большое количество людей вне самого процесса создания литературного произведения. Если писатель владеет искусством *игры в Слове*, то мистификатор должен обладать ещё и искусством *игры в Жизни*, поскольку *литературная мистификация – коллективная игра, ведущаяся сразу и в жизни, и в литературе*. Причём в игре невольно принимают участие не только те, кто предлагаемую им мистификацию принимают за чистую монету, но и те, что „на стороне” мистификатора, *посвящённые в мистификацию*. Их может быть мало, один-два человека, или, как в шекспировской мистификации, – десятки, но, за редкими исключениями, они всегда имеют место» [Козаровецкий 2012].

Создавая мистификацию, ее автор может преследовать различные цели, например, «ради наживы, для посрамления критиков или в интересах литературной борьбы, по неуверенности автора в своих силах или по определенным эти-

ческим мотивам» [Вульф 2003]. Однако, если мистификация сделана умело, не зависимо от того, сколько человек принимало участие в ее создании и какие мистификатор преследовал цели, ее разоблачение представляет колоссальные трудности и, как правило (если сам фальсификатор не сознается), происходит чисто случайно [Постников 2000]. Поэтому много мистификаций до сих пор остаются неразоблаченными.

Следует обратить внимание на уже раскрытые известные в мировой литературе мистификации. Каждая из них имеет свое начало и свой, не всегда удачный, конец.

Одной из самых ярких мистификаций XX века является мистификация, воплощенная в жизнь известнейшим в современной французской литературе писателем, писавшим под именем Ромена Гари, выходцем из России Романом Кацевым. Роман Кацев был единственным писателем, ставшим дважды лауреатом Гонкуровской премии (Prix Goncourt), которая является одной из самых престижных премий во Франции и присуждается за достижения в жанре романа. Притом получить премию можно только один раз в жизни [Советский... 1989: 324].

Первую Гонкуровскую премию Кацев получил в 1956 году за роман *Корни неба* написанный под псевдонимом Ромен Гари. Вторую премию в 1975 году за роман *Вся жизнь впереди*, который стал известен под авторством Эмиля Ажара.

Свою литературную деятельность Кацев начал с псевдонима неслучайно. Он родился в Литве в нелегкое время – начало Первой мировой войны, к тому же по национальности он был русским евреем. Его мать Мина Овчинская после развода с Арье-Лейбой Кацевым уехала с сыном в Польшу, а затем во Францию в Ниццу. Роман Кацев с матерью принадлежали к той волне эмигрантов, которые бежали во Францию от ужасов и разрухи войны. После Первой мировой войны во Францию прибыло более миллиона эмигрантов. Жизнь ребенка-эмигранта не была легкой. Они жили бедно, но Мина прилагала все усилия, чтобы сын учился в лучших учебных заведениях Франции. Роман, будучи ребенком, понимал разницу между богатыми французами и бедными эмигрантами. Он пытался влиться в окружающую среду, но при этом никогда не забывал о своем происхождении, что заметно во многих его произведениях.

Роман Кацев выбрал себе литературный псевдоним Ромен Гари, в котором имя Ромен является французским эквивалентом русского имени Роман. Что касается фамилии Гари, то одному из своих друзей, критику Франсуа Бонди, он так объяснял выбор псевдонима: «По-русски гори – это русское повелительное наклонение глагола гореть; от этого приказа я никогда не уклонялся ни в творчестве, ни в жизни» [Прокофьева 2001]. Возможно, именно поэтому и в имени мистического Эмиля Ажара, воплощенного позже Кацевым в жизнь, скрывается все тот же символ огня, проявленный в слове «жар». Писатель «ярко горел» и «сгорал дотла».

В сложных для Кацева обстоятельствах, когда он был известен как Ромен Гари и когда, казалось бы, достиг в своей жизни всего возможного, он решает начать новую игру, скрываясь под именем Эмиля Ажара.

Историю мистификации следует начать с того, что в 1974 году в парижское издательство «Галимар» по почте из Бразилии была прислана рукопись моло-

дого прозаика Эмиля Ажара. Это был его первый философский роман под названием *Голубчик*. В парижском издательстве к рукописям никому не известных авторов относились настороженно. Однако роман им показался удачным и его издали. Рецензии критиков были более чем восторженными [Прокофьева 2001]. Следующий роман Ажара под названием *Вся жизнь впереди*¹ был в 1975 году удостоен Гонкуровской премии, от которой по неизвестным причинам писатель отказался.

Эмиль Ажар был необщительным человеком: не давал интервью и не встречался с читателями, даже гонорары ему пересылали почтовыми переводами. Журналисты тщетно пытались разыскать писателя. В газетах выходили статьи с его вымышленными биографиями. В одних он был ливанским террористом Хамилем – Раджой, в других писали, что он был подпольным хирургом, делающим нелегальные аборт, молодым уголовником [Гари 1994: 643]. Однако, когда Эмиль Ажар отказался от Гонкуровской премии, выяснилось, что это псевдоним, за которым скрывался некий Поль Павлович, двоюродный племянник очень известного во Франции писателя, лауреата Гонкуровской премии Ромена Гари.

Биография Ажара «похожа на дядину: литовский еврей, очень молодым эмигрировал во Францию с матерью, которая была ювелиршей в Ницце, разорилась и сошла с ума. Сам Эмиль Ажар, то есть Поль Павлович, не выдержав нервного потрясения, вызванного историей с Гонкуровской премией, попадает – по следам своей матери – в психиатрическую лечебницу в Дании и там пишет в 1976 году автобиографический роман *Псевдо*» [Эткинд 2003: 2].

Героем романа является безумный Поль Павлович, племянник успешного Тон-Тона Макута, в образе которого подразумевается Ромен Гари. Поль Павлович признается, что страдает «манией преследования» [Ажар 2000: 5] и находится в психиатрической лечебнице в Копенгагене, где его лечит психиатр Христиансен. Именно в *Псевдо* он поясняет причину, по которой отказался от Гонкуровской премии. В самом начале романа он пишет: «Я отказался от Гонкуровской премии в 1975 году, потому что запаниковал. Мою систему защиты раскрыли, взломали, я был в ужасе от внезапной славы, которая вытаскивала меня из всех убежищ, а „исследователи“ уже наводили справки в кагорской психбольнице. Я боялся за мать, умершую от склероза и использованную в книге для создания персонажа мадам Розы. Я боялся за ребенка, которого прятал, – тогда ему было лет двенадцать – тридцать пять, как мне, или лет сорок, или сто или двести тысяч, а может быть, и больше, потому что надо дойти до самого корня зла, чтобы иметь право доказывать свою невиновность. И я отказался от премии, но видимость моя от этого стала только еще хуже. Они решили, что

¹ Роман, написанный Эмилем Ажаром на французском языке под названием *La vie devant soi*, неоднократно переводился на русский язык. Впервые русский читатель познакомился с книгой в 1988 году в переводе В. Орлова *Жизнь впереди*. В 2000 году роман был переведен также Л. Цывьяном, как *Вся жизнь впереди*. «В метафорическом названии романа *La vie devant soi* оба переводчика заменяют предлог *перед собой* наречием *вперед*, которое имеет более широкое значение. В. Орлов перевел фразу емко и лаконично, двумя словами: *Жизнь впереди*. [...] Л. Цывьян перевел название романа *Вся жизнь впереди*, добавив местоимение *вся*, привлекая тем самым новые элементы содержания, которых не было в подлиннике» [Галимова 2012: 25, 26]. По роману *Жизнь впереди* в 1977 году был снят фильм «Мадам Роза». Об этом см.: [Винокур 2004].

я достоин славы. Потом меня лечили – спасибо, теперь мне лучше. Во время моего последнего пребывания в больнице я даже написал третью книгу» [Ажар 2000: 7]. Далее Поль описывает монолог между ним и Тон-Тон Макутой, в котором дядюшка признается, что упрятал в лечебницу племянника только для того, чтобы он мог «спокойно написать свою книгу. Христиансен был не против» [Ажар 2000: 76] и пытался убедить Поля в его здравом уме. «Ты никогда не был сумасшедшим. Ты выдумывал, чтобы написать еще одну книгу. Ты всегда все делал как бы вроде, потому что это уловка, чтобы не выполнять никаких обязанностей» [Ажар 2000: 76].

Поль Павлович в автобиографическом романе признается в том, что его первая рукопись была напечатана без его согласия, во время пребывания в кагорской больнице. По его мнению, все было подстроено дядюшкой Тон-Тон Макутой, в надежде, что книжка будет хорошо продаваться, и этим самым Павлович сможет оплатить свое лечение. По словам Поля, когда он все еще находился в психиатрической клинике, вышла в свет также и вторая его книга.

В данном произведении в воспоминаниях главного героя можно заметить множество противоречий, показывающих сомнения, страх, психическую неуравновешенность. Так, например, Поль пишет о сопутствующем ему чувстве облегчения, когда критики высказывали свое сомнение в существовании Эмиля Ажара. Он был рад, что не ассоциировался для читателя с Ажаром. Собирали доказательства его несуществования, приклеивали вырезанные статьи критиков на стены и в минуты сомнения читал их [Ажар 2000: 18]. Вместе с тем, внимание читателя привлекает истерика Павловича, пытающегося на этот раз доказать обратное, т.е. то, что именно он является писателем Эмилем Ажаром. «Я Эмиль Ажар! <...> Единственный, неповторимый! Я творение рук своих и отец своих творений! Я сам себе сын и отец! Я никому ничем не обязан! Я сам себе автор и тем горжусь! Я настоящий! Я не газетная утка! Я не псевдо что-то: я человек, я мучаюсь и пишу, чтоб больше мучиться, чтобы больше дать литературе, миру, человечеству. Когда речь идет о творчестве, чувства, семья не в счет! Важна одна литература!» [Ажар 2000: 80].

Герой романа постоянно размышляет о своей жизни и творчестве, о советских лагерях, голодающих африканских детях, убийствах и т.д. Одной из затронутых Павловичем тем является тема антисемитизма. «Оболью презрением и не буду цитировать тот откровенно антисемитский раздел моего досье, в котором говорится, что я еврей. И все же хотелось бы понять, связано ли чувство собственного достоинства и вины с тем фактом, что я еврей, а значит, не распинал Христа, в чем меня неоднократно упрекали антисемиты. Может, я стал удавом в попытке уклониться от своего еврейства?» [Ажар 2000: 8].

Перед читателем возникает история появления сюжета романа *Жизнь впереди*: «Моя мать умирала в той же самой кагорской больнице от вялотекущего склероза мозговых сосудов три года подряд, то приходя в себя, то снова выпадая. Вот золотой сюжет. Мой сюжет. Оригинальный сюжет. Я впал в депрессию, не хотел подчиняться. Но как тут не подчиниться, если ты настоящий писатель. Тонтон-Макут – настоящий писатель, а он выжал из своей матери все, что смог» [Ажар 2000: 26].

В романе *Псевдо* Павлович, или Ажар, нарисовал отрицательный портрет своего знаменитого дядюшки Ромена Гари. Складывается ощущение, что племянник сводил счеты с ненавистным дядей, стараясь при каждой возможности его оскорбить. Он показывает Гари самовлюбленным, скандальным, можно даже сказать, тираническим старцем.

После выхода *Псевдо* разыгрался конфликт между Гари и Ажаром. Критики, журналисты и даже читатели стали на сторону молодого и талантливого писателя. Они пишут об Ажаре «с растущим восхищением и в конфликте „дядя-племянник“ сочувствуют молодому, стилистически более изощренному и поражающему блеском воображения писателю – особенно в романе *Страхи царя Соломона*, появившемся в 1979 году» [Эткинд 2003: 2].

Критики восторженно оценили стилистическую манеру и зрелость молодого писателя, писавшего об истории жизни главного героя, богатого восьмидесятичетырехлетнего еврея – «брючного короля» [Ажар 2002: 6]. Роман рассказывает о страхе перед одиночеством пожилого мужчины, нуждающегося в человеке которому будет нужен [Ажар 2002: 74].

Тогда еще никто и не догадывался, что это будет последний роман Эмиля Ажара богатого, славного и талантливого писателя. Ажара – Павловича пригласили работать главным редактором в издательство «Меркюр де Франс», а его романы становились бестселлерами. С ним подписывали контракты, его любили, им восхищались. И именно когда он был на пике славы, его дядя Ромен Гари покончил жизнь самоубийством.

Спустя полгода после гибели Гари Поль Павлович собственноручно дал Клоду Дюрану, директору издательства «Фейяр», пятьсот листов рукописи. Поль встретился также с Бернаром Пиво, автором знаменитой литературной передачи «Апостроф», «с которым он пару раз имел дело как литературный директор „Меркюр де Франс“». Пиво был поражен, услышав от Павловича: «Я не Эмиль Ажар. Эмиль Ажар – это псевдоним Ромена Гари. Я написал книгу *Человек, в которого верили*, где рассказал всю эту историю, и готов предоставить вам эксклюзивное право опубликовать ее при условии полной конфиденциальности» [Анисимов 2007: 561]. Вскоре книга была опубликована и появилась в продаже. А после выпуска передачи Б. Пиво и раскрытия перед миллионами зрителей Полем Павловичем мистификации, издательство «Галимар» объявило о выпуске литературного завещания Ромена Гари *Жизнь и смерть Эмиля Ажара*, написанного писателем в марте 1979 года.

О причинах создания мистификации Гари пишет: «Я как автор был сдан в архив, занесен в каталог» [Гари 1994: 639], а также «Я устал от самого себя. Устал от этикетки Ромена Гари, которую на меня приклеили и с которой я хожу вот уже тридцать лет с того самого момента, когда утром молодой авиатор, автор „Европейского воспитания“, проснулся знаменитым <...>. Тридцать лет! „На меня обиделись“. Быть может, подсознательно я сам этого хотел. Так было проще: существовал готовый образ, нужно было просто подыграть. Это позволяло мне не раскрываться полностью. А главное – я мечтал вернуть юность, радость от первой книги, от первой публикации – мечтал начать заново. Начать заново, пережить вновь счастливые моменты, стать кем-то другим всегда

было для меня большим соблазном. <...> Все мои официальные жизни, в некотором смысле упорядоченные, двоились и троились другими, менее доступными чужому глазу, но каким бы любителем приключений я ни был, мою жажду не утолила ни одна из них. Дело в том, что мной всецело владел древнейший соблазн Протея – соблазн множественности. Я алкал жизнь во всех ее формах и проявлениях, но каждое новое ощущение только усиливало мой голод. Мои противоречивые порывы постоянно разрывали меня на части, и думаю, что я не сошел из-за этого с ума лишь благодаря женщинам и литературе, чудесным образом позволявшей мне перевоплощаться вновь и вновь. Я всегда был кем-то другим. И стоило мне обрести что-то постоянное – сына, любимую женщину, пса Сэнди, – как я страстно привязывался к этому предмету.

Может быть, эти обстоятельства психологического свойства объясняют рождение, недолгую жизнь и смерть Эмиля Ажара лучше, чем я сам вначале думал. Это стало вторым рождением. Я начинал жить заново. Все опять было в моих руках. Создавалась полная иллюзия самотворения» [Анисимов 2007: 445-446].

Из цитаты следует, что Роману Кацеву было свойственно игровое поведение как в жизни, так и в литературе. Кацев чувствовал потребность в постоянном самоутверждении, в доказательстве того, что он писатель, виртуозно владеющий искусством слова и стиля, что он может представить свое лицо, свой творческий талант в совершенно новом облике, и это перевоплощение будет воспринято как реальность, как появление нового, истинного, писателя.

Первые перевоплощения Ромена Гари можно увидеть в таких произведениях, как *Человек с голубем* и *Головы Стефаниш*, при этом первое из них было написано под псевдонимом Фоско Синибальди, а второе – под Шатан Бога. Книги не были популярны, более того, книгу *Головы Стефаниш*, по словам автора, начали покупать только тогда, когда он признался в авторстве [Гари 1994: 641].

Следует обратить также внимание на то, что во французской литературе во второй половине XX века был популярен «новый роман»², которому Гари не хотел подчиняться. Ему хотелось преподать урок не только критикам, но и, по словам М. Анисимова, «читателям, не замечавшим никого, кроме Ролана Барта и Филиппа Соллерса» [Анисимов 2007: 446]. Именно таким уроком и оказалось создание Роменом Гари мистификации Эмиль Ажар.

Существенно, однако, то, что создать такую мистификацию в одиночку было бы невозможно. Первым человеком, замешанным в мистификации, являлась его секретарь Мартина Карре, печатавшая все рукописи, написанные как от имени Ромена Гари, так и от имени Эмиля Ажара. Созданию атмосферы тайны вокруг Ажара помог Гари его приятель Пьер Мишо – бизнесмен, занимавшийся экспортом в Бразилии. Именно благодаря Пьеру, первый роман Ажара оказался в издательстве «Меркюр де Франс». В своем предсмертном эссе *Жизнь и смерть Эмиля Ажара* Гари пишет: «я знал, что *Голубчик*, первый роман неизвестного писателя, будет продаваться плохо, но инкогнито было

² «Новым романом» называют литературное направление, появившееся во Франции после Второй мировой войны. Характеризуется отходом от традиционных правил. «Новые романисты» огромное внимание уделяли «правильному» пониманию собственных произведений [Филошкина, Недосейкин 2008: 3].

для меня важнее. Поэтому я не стал посвящать в свой план издателя. Рукопись была прислана из Бразилии стараниями моего друга Пьера Мишо. С автором, неким молодым скитальцем, он якобы познакомился в Рио: тот был не в ладах с правосудием, и путь во Францию ему был заказан» [Гари 1994: 641].

О мистификации знали также друзья Гари, его бывшая жена Джин Сиберг и ее муж. Конечно же, сын Диего. А также все те, кто, не нарушая своей профессиональной тайны, хранили рукописи и юридические документы писателя.

С самого начала мистификации Ромен Гари, чтобы никто не мог использовать ни его настоящее имя, ни псевдонимы, принял все возможные меры предосторожности. Писатель передавал своему женевскому адвокату и его коллегам из Нью-Йорка документы, подтверждающие его авторство книг, написанных под именем Эмиля Ажара.

После издательства романа *Голубчик* критики были в восторге. Все хотели знать как можно больше об авторе. Многие сомневались в его существовании, поговаривали даже о коллективном творчестве или псевдониме. Гари был весьма удовлетворен тем, что смог реализовать свой план. Он хотел добиться лучшего эффекта и поэтому продолжал писать книги также под именем Романа Гари, «черпая силы в собственном возбуждении и с мрачным наслаждением взирая на слепоту и стереотипность мышления парижских критиков. Он презрительно называл это „парижанизмом”» [Анисимов 2007: 456]. Гари знал, что критики и журналисты не останутся в своих расследованиях относительно Ажара и, чтобы их запутать, создает противоречивую биографию, которая началась с Бразилии. Он придумывает историю о ливанском террористе Хамиле-Радже и о подпольном хирурге, делающем нелегальные аборты.

В 1975 году Ромен Гари заканчивает писать книгу под названием *Вся жизнь впереди*, первоначальное название *Нежность камней*. Главными героями книги являются арабчонок Момо, которого воспитала недавняя проститутка мадам Роза, еврейка, рожденная в Польше. Роза пережила в свое время Освенцим, а теперь живет на седьмом этаже старого, запущенного дома. Она любит Момо всей душой и всем сердцем. Если внимательно читать роман, то можно найти зашифрованные имена, которые каким-либо образом связаны с писателем. Так, например, старый доктор-еврей по имени Кац происходит от фамилии Кацев; знакомый Момо Рамон – является анаграммой настоящего имени Гари – Роман; Диего, сын Гари, читая роман, узнал в мадам Розе свою любимую няню. И если вспомнить при этом вышеупомянутую цитату из *Псевдо*, станет ясно, что мать Поля Павловича не является прототипом романа *Вся жизнь впереди*.

Книга стала бестселлером, и Эмиль Ажар получил за нее Гонкуровскую премию. Гари, боясь, что раскроется мистификация, был вынужден от премии отказаться.

Журналисты тщетно пытались отыскать Эмиля Ажара. Кацев-Гари решил вдохнуть в него жизнь. «Мне казалось, что если Эмиль Ажар на некоторое время продемонстрирует себя во плоти, прежде чем снова растает в тумане тайны, то это укрепит миф, окончательно развеет подозрение о „крупном писателе, затаившемся в тени”, которого тщились отыскать журналисты, и я смогу продолжать писать своих „Ажаров” в полном покое, посмеиваясь в кулак.

Итак, я попросил Павловича, у которого было „лицо” такое, как надо, ненадолго взять на себя роль Ажара с тем, чтобы потом исчезнуть, дав прессе вымышленную биографию и сохраняя строжайшее инкогнито. <...> давая в Копенгагене интервью, он обнаружил свою подлинную биографию и, хотя я был против, позволил напечатать свою фотографию. С этой минуты мистический персонаж, которого я так старательно создавал, прекратил свое существование и его место занял Поль Павлович. Выяснить, кто он такой, ничего не стоило – и наше родство выплыло на свет. Я защищался, как дьявол, публиковал опровержение за опровержением, используя в полной мере свое право на анонимность, и в конце концов сумел убедить пишущую братию, причем даже без особого труда, поскольку я давно уже всем надоел и им хотелось чего-нибудь „новенького”. Желая понадежнее обезопасить себя, я написал *Псевдо* как „автобиографический” роман Поля Павловича» [Гари 1994: 644-645].

Что же касается романа, то, по словам Ромена Гари, «в *Псевдо* все, за небольшим исключением, есть плод литературной фантазии. Образ Поля Павловича, его невроты, психозы, „сдвиги в сознании” и больничные перевоплощения мною полностью выдуманы. <...> Единственные подлинные детали – это те, которые касаются наших общих родственников: я имею в виду моего дядю по матери Илью Осиповича Овчинского, приходящегося Полю дедом. Этот кусок был написан в 1959 году и должен был войти в „Обещание на рассвете”. Я тогда сообщил об этом матери Поля, моей двоюродной сестре, но ее задело, что я пишу о ее отце в юмористическом тоне. Я и сам сознавал, что предавать огласке некоторые обстоятельства было в тот момент невозможно. Поэтому я отложил эти страницы в сторону и включил их в „генеалогическое древо” в *Псевдо*. Я получил сведения о лечении психических заболеваний у доктора Бертанья» [Гари 1994: 640-641].

Поль Павлович охотно согласился играть роль Эмиля Ажара. С этого момента с согласия Ромена Гари он занимается подписанием контрактов, пересылает рукописи в издательства. Ромен Гари продолжал писать за двоих, за себя и за Ажара. С каждой рукописи он снимал копии и относил в сейф. Дополнительно для каждой рукописи его секретарша писала документ, подтверждающий, что данная книга была написана именно Роменом Гари. Поль Павлович перед получением рукописей также писал для Гари свидетельство о непричастности к творчеству Эмиля Ажара.

Нельзя не заметить необычайного творческого таланта писателя. Один писатель, перевоплощаясь, одновременно писал от имени двух авторов – молодого и старого. В одних романах, написанных от имени Гари, чувствовалась зрелость, опыт и утонченность, в других же, ажаровских, чувствовалось озорство молодого писателя и нарушение литературного стиля, как в романе *Голубчик* или в *Псевдо*. И лишь в последнем произведении Эмиля Ажара *Страхи царя Соломона* Кацев словами своего главного героя рассказывает о своем страхе перед старостью и одиночеством.

Необходимо отметить, что Ажар внес в художественную литературу новый стиль, вдохнул новую жизнь, раздвинул рамки жанра романа. Гари создал новый для себя стиль-стиль Ажара. Критики не заметили совпадений в творчест-

ве Гари и Ажара, что свидетельствует о том факте, что писатель не просто играл с читателем, но и действительно перевоплощался в свое создание, действуя, чувствуя и творя, как молодой человек. Но ведь невозможно, даже играя, стать *другим* человеком, так или иначе ментальность того, изначально, будет проглядывать сквозь все словесные ухищрения и стилевые новации. Кацев пишет: «никто из критиков не услышал моего голоса в *Голубчике*. Ни один – в *Жизни впереди*. А ведь там та же самая манера чувствовать, что и в *Европейском воспитании*, *Большой раздевалке*, *Обещании на рассвете*, и зачастую те же фразы, те же обороты, те же характеры. Достаточно было прочесть *Пляску Чингиз-Кона*, чтобы немедленно опознать автора *Жизни впереди*. Друзья молодого героя в *Тревоге царя Соломона* все вышли из романа *Прощай, Гари Купер*: Лени там думает и говорит в точности так же, как Жанно в *Царе Соломоне* – это заметил и сказал моему сыну Юг Море, в то время семнадцатилетний ученик лицея имени Виктора Дюрюи. Весь Ажар уже заключен в *Тюльпе*. Но кто его читал среди профессионалов?» [Гари 1994:639]

Ромен Гари создавал замечательные произведения. И если поначалу мистификация его забавляла, то со временем она начала его угнетать. Поль Павлович слился с образом Эмиля Ажара. Он стал известным, узнаваемым и уважаемым в литературных кругах писателем. Павлович заигрался. Однажды он пришел к Симоне Галлимар и потребовал «принять его на работу в качестве литературного консультанта. Он напомнил ей, что издательство может благополучно выплачивать жалование сотрудникам и покрывать все расходы именно благодаря выручке от его книги. Симона согласилась, потому что больше всего боялась, что Ажар уйдет к другому издателю. Узнав об этом, Ромен Гари, „творец, поработенный собственным творением“, ощутил одновременно ярость и бессилие. Когда новость дошла до Робера Галлимара, он упрекнул Гари в том, что тот позволяет Павловичу злоупотреблять его доверием. „Я знаю, – ответил Гари, – ничего не могу поделать: я связан по рукам и ногам!“ Впрочем, этого можно было ожидать: любимчик публики Эмиль Ажар не мог согласиться, чтобы Поль Павлович в тридцать семь лет оставался мелкой сошкой» [Анисимов 2007: 507].

Но Полю Павловичу было мало. Перечитав роман *Псевдо*, он счел себя жертвой Гари. Однако, согласно признаниям автора, он хотел лишь убедить читателя в существовании Эмиля Ажара, но Поль при встрече с журналистами без согласия Гари сам раскрыл свою биографию и позволил сфотографироваться.

Между племянником и дядей все чаще доходило до ссор. Ромен Гари решил закончить карьеру Эмиля Ажара. Он доказал себе, получая очередную Гонкуровскую премию, что он талантливый писатель, обладающий мастерством стилистого перевоплощения, писатель, не застывший в своем развитии, умеющий создавать новые художественные стили. К тому же, выставя критиков на посмешище, Кацев убедился в своей правоте существования «парижанизма».

Но Поль Павлович прекрасно понимал, что если Гари сознается в мистификации и Ажара не станет, он будет никем. После одной из таких ссор Гари вызвал своего женеvского адвоката и юридически оформил соглашение между двумя сторонами, т.е. Роменом Гари и Полем Павловичем. Согласно ему, Поль

Павлович добровольно принял предложение Ромена Гари выступить под именем Эмиля Ажара как автора произведений *Голубчик*, *Вся жизнь впереди*, *Псевдо* и *Страхи царя Соломона*. Оговорена была также финансовая сторона, по которой Полю «в качестве вознаграждения <...> назначалась выплата в размере сорока процентов от чистой прибыли с использования авторских прав Эмиля Ажара» [Анисимов 2007: 514]. В свою очередь Павлович должен был выплачивать Гари причитающиеся ему суммы. В соглашении не учитывалось вознаграждение, получаемое Полем как литературным экспертом «Меркюр де Франс». К тому же был оговорен пункт, касающийся раскрытия мистификации.

И все-таки, несмотря на подписанное между Гари и Павловичем соглашение, писатель решил уйти из жизни. Смерть Гари не принадлежала к числу случайных, она была им старательно запланирована. О причинах самоубийства Кацева-Гари-Ажара существуют разные точки зрения. Одни связывают его самоубийство с внезапной смертью его бывшей жены Джин Сиберг, которая наступила годом ранее. Другие с депрессией. Но большинство мнений совпадает. Ромен Гари пытался обратить свое внимание на «вопрос о никчемности» значения литературы. Писатель пишет: «От всего того, к чему литература стремилась и в чем видела свое назначение – содействовать расцвету человека, его прогрессу, – не осталось сегодня даже красивой иллюзии» [Гари 1994:638]. Гари критиковал «парижанизм», хотел обратить внимание читателей и критиков на глубокий смысл, скрытый в произведениях не зависимо от того, кто их написал.

Вместе с тем, причина самоубийства Кацева могла заключаться также в том, что созданная писателем мистификация вышла из-под контроля. Ажар *материализовался*, жил независимой жизнью в образе Поля Павловича, который, собирая все заслуги истинного автора, не хотел отказываться от приличного дохода и известности.

Следует также обратить внимание на возраст писателя. Ведь в момент смерти ему было шестьдесят шесть лет. Он жил в постоянном страхе перед разоблачением. А может, наоборот, он боялся, что в случае внезапной смерти его труды так и останутся нераскрытыми и именно поэтому он приложил все усилия, чтобы каждая рукопись была заверена юристами.

Кацев-Гари был замечательным мистификатором. Он не только умело играл роль Эмиля Ажара, но и играл в жизни, вводя в заблуждение критиков, журналистов, читателей. Он доказал всем, что в любом возрасте можно перевоплотиться, создать новый образ, новую стилистическую манеру письма. После его смерти и раскрытия мистификации критики вспомнили о таланте Ромена Гари, сравнивая его с Виктором Гюго [Домиль 2009]. Прозаик Мишель Турнье в телевизионной передаче «Апостроф» сказал «Меня восхищает удача Гари. Он играл до конца. Думаю, что самоубийство с этой историей связано. А книги Эмиля Ажара превосходны: Ромен Гари превзошел самого себя. Конечно, это мошенничество; но ведь мошенничество – это свойство художественной литературы: писатель непременно сочиняет и персонажей, и самого себя» [Прокофьева 2001: 104].

Свое эссе *Жизнь и смерть Эмиля Ажара* Гари заканчивает словами: «Я славно повеселился. До свидания и спасибо». Не могу не согласиться со словами Вик-

тора Ерофеева, что Ромен Гари, придумывая величайшую литературную мистификацию, перешел такую тонкую черту, за которой начатая игра не могла ею оставаться [Ерофеев 1996:591-598].

Роман Кацев – Гари принадлежит к числу самых популярных классиков XX века, сыгравших немаловажную роль в развитии художественной литературы. А также к числу тех немногих писателей, которые, создавая новый образ, рождались заново, играли, удивляли, восхищали и доказывали себе и всем читателям свое мастерство.

Библиография

- Ажар Э., 2000, *Псевдо*, пер. А. Беляк, Санкт-Петербург.
- Ажар Э., 2002, *Страхи царя Соломона*, пер. Л. Лунгина, Санкт-Петербург.
- Анисимов М., 2007, *Ромен Гари, хамелеон*, пер. Е.В. Гавриловой, Нижний Новгород.
- Винокур Н. (Висконсин), 2004, *Французская версия Хемингуэя. Журнал Вестник online*, № 6 (343), www.vestnik.com.
- Вульф В., Чеботарь С., 2003, *История литературных мистификаций: от Гомера до Интернета*, „Журнал Сетевая Поэзия”, № 2 (2).
- Галимова Р.У., 2012, *Художественный перевод социально речевых форм. На материале романа Эмиля Ажара «Жизнь впереди»*. Филология и культура, Казань, № 3 (29).
- Гари Р., 1994, *Жизнь и смерть Эмиля Ажара*, пер. И. Кузнецова, [в:] *Ромен Гари. Избранное*, Рига.
- Домиль В., 2009, *История одной мистификации Эмиль Ажар*, [в:] *История далекая и близкая*, „Еженедельник «Секрет»”, № 47 (707).
- Ерофеев В., 1996, *Мистификация, и ужас, и любовь*, [в:] сборник В. Ерофеев, *В лабиринте проклятых вопросов. Эссе*, Москва.
- Козаровецкий В., 2012, *Литературная мистификация как особый жанр*, [в:] *Электронный журнал Арт&Факт*, № 1 (15), artifact.org.ru/personalnic-dela-/vladimir-kozarovetskiy-literaturnaya-mistifikatsiya-kak-osobiy-zhanr.html.
- Ланн Е., 2009, *Литературная мистификация*, Издание 2-е дополненное, Москва.
- Литературный энциклопедический словарь*, 1987, ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева, Москва.
- Постников М.М., 2000, *Критическое исследование хронологии древнего мира*, т. 1, Москва.
- Прокофьева Е., 2001, *Мистификатор*, „Смена”, № 6, Москва.
- Советский энциклопедический словарь*, 1989, ред. А.М. Прохоров, Издание IV, Москва.
- Филюшкина С.Н., Недосейкин М.Н., 2008, *Французская литература после 1945 года. «Новый роман» и «Драма абсурда»*, Воронеж.
- Эткинд Е., 2003, *Две смерти Романа Гари*, [в:] *Электронное воспроизведение: «Im Werden Verlag»*, www.imwerden.de.

Summary

The name – the pen name – mystification in Romain Gary's (Roman Kacew) life and writing

Literary mystification has been existing as long as literature itself. Researchers and specialists in literature have always been interested in them. The clue to the famous works of literature can demonstrate visually the method and ways of literary mystification in the world literature is Emil Agar's mystification. The history of creation this kind of mystification is described in this article.

Key words: *literary mystification, pen name, play, the autobiographical motive*